

ЛЮДИ ИСКУССТВА

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Мы были знакомы заочно. Она прочла мою пьесу, должна была в ней репетировать роль в театре «Современник», а я, конечно, видел ее на экране.

Мы повстречались в Ленинграде, шли по солнечной стороне Невского проспекта. Она приехала всего на один день, спят в эпизоде на «Ленфильме». Вечером того же дня должна была возвращаться в Москву. Навстречу нам двигалась, жмурясь на солнце, по-весеннему распахнутая толпа. Лия с жаром и надеждой говорила о новых пьесах, о том, как их надо было бы играть.

Я слушал ее, но не мог отделиться от ощущения, что вместе с ней участвую в каком-то спектакле.

Теневая сторона Невского была буднична и спокойна, а на солнечной что-то происходило. Шедшие нам навстречу люди, заметив мою спутницу, как бы сбивались с прежних мыслей. Одни притормаживали и оборачивались, другие останавливались и долго смотрели вслед. Вдруг прямо перед нами в заломленной шляпе вырос и широко раскинул руки вполне солидный мужчина.

— Мы с Черниговской области, — вскричал он, — говорю жинке, это Ахеджакова! Не верит...

Через миг нас уже окружала плотная улыбающаяся толпа.

Мужчина оглядел актрису и вдруг засмеялся, видимо, почувствовав, что «звезда» должна быть какой-то иной. Одетая почему-то просто, по-дорожному. Да и вместо положенной улыбки знаменитости или чего-то, как говорится, «из ряда вон» вполне обычное, будничное выражение лица.

— Не она это? — обратился мужчина ко мне.

Я успокоил его. Мужчина повернулся к жене, но уже без прежнего азарта, взяв под руку, чуть подтолкнул вперед.

— Смотри. Вот тебе живая артистка.

И в следующую минуту полторы все молча смотрели, а я даже сказал — разглядывали «всамделишную» Ахеджакову.

Почему люди так жадно всматриваются в лица известных артистов, случайно встретив их на улице? Ведь лица эти стали как бы обиходом их повседневной жизни. Они возникают то и дело на экранах, сияют на журнальных обложках, красуются на стенах учреждений.

Лия улыбнулась, и этого оказалось достаточно. Вокруг нас все заулыбалось.

— Спасибо вам, — сказал кто-то.

Ахеджакова — парадокс

нашего кино. Не сыграв еще по-настоящему крупной роли, не набрав и доли метража, «накрученного» иными актерами, она в числе самых популярных актрис экрана. Причин несколько, но главная — редкий комедийный талант и в то же время глубокое драматическое дарование. Героини Ахеджаковой смешны, но лишь на первый взгляд. Приглядевшись к ним, понимаешь — актриса видит своих странноватых, неожиданных женщин сразу в нескольких измерениях. Она обнаруживает за чудачеватыми манерами драму не получившейся жизни, а за этой драмой — глубинную стойкость души и тонкой жилкой бьющую надежду.

Я смотрел фильм А. Германа «Двадцать дней без войны» где-то на окраине в заводском клубном кинотеатре.

Ахеджакова была на экране не больше двух минут. Свои слезы, потрясение от эпизода помню до сих пор. Крохотная женщина, с исхудавшим, изможденным лицом, замученная, почерневшая от мрачных дум, держала за руку сына, стоя перед уезжавшим на фронт героем фильма. Она, безымянная героиня Ахеджаковой, вдруг попросила отыскать ее мужа и передать, что от него ждут вести. Мальчик тянул мать за руку, видимо, детским умом поняв, что отца нет в живых.

Но женщина этого не понимала. Не хотела, не могла понимать. Она жила, осилит войну, душой, потому что физических сил в ее маленьком теле совсем не осталось. И как бы не сама она, а что-то безмерное, неодолимое в ней твердило и повторяло невыполнимую просьбу.

Вера, зажатая в крохотный кулачок, — на фоне гигантской войны. В эпизоде актриса набрала высоту чувств, прозвучал ее подлинный голос, и мы услышали в нем голоса целого поколения женщин «сороковых, роковых» и вновь осознали всю чудовищность трагедии, имя которой — война.

Актрисе интересен человек, умеющий верить. И чем обиднее обстоятельство, в которых оказывается ее героиня, тем упрямее Ахеджакова задерживает взгляд на этом свойстве души и сердца.

Вспомним Елену Малаеву в фильме Э. Брагинского и Э. Рязанова «Гараж». Малаева верила только в одно: на свете есть и должна торжественно существовать справедливость. И это помогло ей выдержать борьбу с теми пайщиками гаражного кооператива, кото-

рые решили на справедливость наплевать.

Комические фильмы Э. Рязанова во многом способствовали популярности актрисы. Они открыли в ней способность жить перед камерой в стихии юмора и гротеска, обеспечили почти безоговорочное доверие зрителя. За что же он так доверяет актрисе?

Ее героини наивны и чисты. Качества эти обнаружались в актрисе еще в детском театре, где она начинала. Тогда в свои детские роли она вносила опыт и знания взрослой жизни. Теперь своих взрослых героев она возвращает в детство с его надеждой, идиллической любовью, незыблемой верой в предстоящее счастье.

В одном из интервью актриса призналась:

«...Очень люблю театр. Не могу жить без него. Приходить туда, переодеться, накладывать грим, выходить на сцену... Театр дает мне сладостное ощущение риска, здесь я понимаю, что для меня творчество — единственное, последнее серьезное дело на земле».

Я осознал, сколь она была искренна в этом своем признании, на премьере в «Сов-

ременнике» моей пьесы «Восточная трибуна» в постановке Л. Хейфеца. Она играла Веру Семенихину с такой мерой правды, что, кажется, ни у кого не могло остаться сомнений: Вера — не просто честный, порядочный человек, она — совесть всех героев пьесы, а ее появление на сцене, ее тихие, от сердца идущие слова как раз и возвращают их, изрядно поутративших душевность и порядочность, к юношескому миру возвышенных надежд и порывов.

В театр люди идут смотреть на живых людей, на живые высокие и низкие страсти. Только это веками приманивает зрителя, заставляет трепетно и покорно ждать, пока перед ним откроют занавес.

Театр у Ахеджаковой в крови. Она живет в постоянном предощущении праздничной радости игры. Она вся — воплощенный протест против кое-чем исповедуемых принципов, что, мол, актер, пользуясь военным языком, — средство доставки авторского ли текста, режиссерского ли видения мира... Тяжело такому актеру-грузчику, особенно в современной пьесе. Надо ведь быть «похожим», чтобы зритель поверил и в человека, и в костюм. Но не все в театре изготавляется в бутафорских цехах и в режиссерских экспликациях. Основа и чудо театра — волевая, раскованная игра. Игра, а не транспарация реплик. Игра как преподнесение зрителю своей взволнованной души.

Пишу об Ахеджаковой, и вспоминается почему-то другой, противоположный ей тип актера. Вот он вышел из-за бархатной кулисы, могучий, хорошо пообедавший красавец с голосом, от которого покачивается многоярусная люстра и тускнеет позолота. Он запомнил мизансцену, выучил текст, произнес и убил чье-то чувство.

Он способен к перевоплощению, исключительно хорошо носит строгие костюмы, припудривая при этом виски. Но пудра и манера ношения фрака, хоть тресни, не помогают воссоздать жизнь человеческого духа.

Сегодня подлинному современному артисту надо уметь обходиться даже без слов. Новые задачи театра состоят, по-моему, в том, чтобы понять и выразить тонкие душевные движения и скрытые пружины поступков современного человека. Умение отделять быт от его бытийного смысла, излучать его бессловесную суть, часто простую, «как мычание» — этим владеют сегодня немногие артисты. Без

таких актеров любая пьеса будет мертва, и не передастся зрителю любовь художника к людям — бесспорное условие творчества.

В эпизодах Ахеджаковой на ее долю выпадает мало слов. Но иногда кажется, что иному эпизоду зритель верит больше, чем всему фильму. Эпизод короточен, он лишен видимых усилий ремесла. В нем мы не успеваем предугадать развитие действия. Ахеджакова изумительно выкладывается на этих коротких дистанциях. Вспомним два блистательных эпизода в фильме Э. Брагинского и Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». Вспомним взгляд, брошенный ее героиней напоследок. Взгляд Золушки, которая никогда не попадет на бал, у которой никогда не было хрустального башмачка. Взгляд, как бы возвращающий к реальности. В нем живое, пронзительное любопытство и в то же время преклонение перед тайной чужой любви.

Все, что же редчайшее качество актерского проживания, не требующего слов.

Актриса много ездит по стране, встречается со зрителями. Готовится, волнуется перед тем, как выйти к людям. На этих встречах всегда возникает живой диалог — Ахеджакова умеет удивительно расположить аудиторию.

Однажды, рассказывая о работе над ролью, Ахеджакова прочла длинное, величественное школьную тетрадь письмо безымянной корреспондентки. Женщина с ничем не примечательной судьбой написала своей любимой актрисе неторопливо и обстоятельно о своих трудностях и радостях.

Актриса читала, как бы донося голос самой женщины, ее надежду быть услышанной.

Видимо, не случайны актеры вызывают у зрителей такое доверие. Так уж повелось в нашем искусстве, что они не только исполнители ролей.

Я жду от Лии Ахеджаковой большой роли. Мне видятся контуры долгой судьбы ее будущей героини — судьбы, рассказанной с экрана. Судьбы трагикомической, вызывающей у нас слезы по несбывшемуся и светлую улыбку надежды.

Она умеет дарить надежду своим героиням и нам с вами.

Александр ГАЛИН.

● Заслуженная артистка РСФСР Лия Ахеджакова.

Фото В. Плотникова.